

Роль идентичности многовекторной внешней политики стран Центральной Азии

С.А. Притчин

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова

Статья посвящена роли идентичности в формировании и обосновании многовекторной внешней политики стран Центральной Азии. Многовекторность является одной из ключевых особенностей внешнеполитического курса государств региона: она закреплена в официальных стратегиях и доктринальных документах, используется во внешнеполитическом планировании и проявляется в участии стран Центральной Азии в различных международных форматах сотрудничества. Вместе с тем анализ реальной структуры их внешних связей показывает, что в сферах политического диалога, безопасности, торговли, инвестиций и миграции главными партнёрами региона остаются Россия и Китай. Это создаёт разрыв между официально декларируемой многовекторностью и фактической иерархией внешнеполитических приоритетов.

Для объяснения этого разрыва в статье используется анализ дискурса идентичности. Автор исходит из того, что в странах Центральной Азии существует сложная многоуровневая система идентичностей, которая влияет на внешнеполитическое позиционирование государств и одновременно используется политическими элитами для обоснования многовекторного курса. Цель статьи — показать, в какой мере конструирование и актуализация разных типов идентичности могут служить инструментом продвижения внешнеполитических приоритетов.

В статье выделяются несколько уровней идентичности, значимых для стран Центральной Азии. Наиболее устойчивыми являются примордиальная, или первичная, идентичность, основанная на родственных, клановых, региональных и локальных связях, а также национальная идентичность, формируемая в процессе постсоветского нациестроительства. Существенное влияние на международное позиционирование стран региона оказывают исламская идентичность, значение которой возрастает, и постимперская, связанная с советским наследием, значение которой постепенно снижается. Кроме того, важную роль играют евразийская и тюркская панидентичности, продвигаемые соответственно через Евразийский экономический союз и Организацию тюркских государств, а также попытки формирования общей центральноазиатской идентичности.

Сделан вывод, что сложная и внутренне неоднородная идентитарная матрица одновременно поддерживает многовекторность и ограничивает возможности государства конструировать единую идентичность как основу устойчивого внешнеполитического вектора.

УДК: 327(5-191.2):316.347

Поступила в редакцию: 04.02.2026

Принята к публикации: 02.04.2026

Ключевые слова: Центральная Азия, внешняя политика, многовекторность, концепция идентичности, внешнеполитическое планирование, панидентичности.

Страны Центральной Азии в настоящее время переживают важный этап своего развития, связанный с формированием и институционализацией автономных, самостоятельных идеологий, внутреннего политического уклада, системы идентичностей и ценностей. Эти процессы происходят отчасти естественным образом с учётом сложившейся за 35 лет независимости политической традиции, балансом сил во власти, сформировавшейся системой отношений на международной арене в целом и с соседями, в частности. Вместе с тем наблюдаются также попытки со стороны властей конструировать с нуля или моделировать существующие политические, идеологические, ценностные, идентитарные установки у общества с целью создания более управляемых социально-политических систем, формирования конкретных мировоззренческих и идеологических матриц для обществ. Представляется, что одной из косвенных причин попыток выстраивания этих управляемых систем является стремление властей создавать условия для выработки и реализации таких внешнеполитических курсов своих стран, которые в большей мере отвечают интересам и приоритетам правящих кругов, а не обществ.

Так, особенностью внешней политики стран Центральной Азии является идеологический упор на многовекторность, которая закреплена в доктринальных официальных стратегиях и документах, последовательно реализуется при внешнеполитическом планировании, в разнообразии международных форматов сотрудничества. При этом критический анализ глубины и интенсивности взаимодействия стран региона на международной арене в вопросах политического диалога, вовлечённости в международные и региональные институты и организации, подходов к обеспечению региональной безопасности, торговому, инвестиционному и миграционному сотрудничеству для Центральной Азии показывает, что безусловными ключевыми партнёрами для региона являются Россия и Китай, что слабо отражено в доктринальных документах (Притчин 2023). Таким образом, возникает разрыв между политическими государственными установками и складывающейся практической картой внешнеполитических приоритетов. Представляется, что для понимания причин такого разрыва возможно использовать анализ дискурса идентичности в странах региона, который позволяет сформировать многоуровневую матрицу совокупности разных идентичностей в одном государстве или субрегионе, которые порою сознательно конструируются или используются руководством государств для объяснения своим обществам выбора именно многовекторной модели внешней политики без доктринального и институционального

углубления сотрудничества с важнейшими фактическими партнёрами. Целью данной статьи является анализ влияния идентичного дискурса в странах Центральной Азии на формирование и реализацию внешнеполитических стратегий стран региона. Рабочая гипотеза заключается в утверждении, что, модерлируя дискурс идентичности, руководители стран региона стремятся выработать основу для формирования определённого многовекторного формата внешней политики своих стран.

Фактор идентичности как инструмент изучения внешнеполитической деятельности

В процессе изучения условий и драйверов при формировании внешнеполитического курса государства важным инструментом для понимания является *фактор идентичности*. Как отмечает известный российский учёный И.С. Семененко, причину взрывного интереса к концепции идентичности можно объяснить тем фактом, что «социогуманитарное знание оказалось перед эпохальным когнитивным вызовом: общественные политические трансформации перестали укладываться в привычные рамки динамики институтов, идей и идеологий, интересов и потребностей социальных групп». В таких условиях «выявление мотивации социальной деятельности, и, главное, оценка перспективных траекторий и альтернатив общественного развития стали самыми актуальными исследовательскими задачами» (Семененко 2017). Усложнение социальных трансформаций на общественном, государственном и межгосударственном уровне привели к тому, что устоявшиеся концепции глобализации, «конца истории», «демократического транзита» и др. показали существенные когнитивные ограничения для объяснения сути процессов и формирования моделей траекторий дальнейшего развития.

В таких условиях появился серьёзнейший запрос на выработку «общих знаменателей», способных объяснить наблюдаемые глубокие трансформации. По мнению Семененко, одним из таких «знаменателей» стала идентичность. Эффективность этого концепта, по её мнению, заключается в том, что он способен прояснить глубинные механизмы социальных и культурных изменений, определяющих перспективы общественного развития (Семененко 2017).

Идентичность помогает решить задачу концептуального синтеза основы социальной деятельности – ценностных установок человека, эмоционально и рационально мотивированных интересов и потребностей, соединить индивидуальный и коллективный срез социального опыта (Семененко 2017).

Мы будем рассматривать данную концепцию, чтобы разобраться в природе многовекторности внешней политики стран Центральной Азии. В этой связи важно учитывать наработки научной школы ИМЭМО в вопросах идентичности, касающиеся наиболее общей идентичной составляющей понятия – цивилизационной идентичности (Семененко 2024). Этот уровень

является объединяющим разные идентитарные системы «личность – общества – государство – культура». Цивилизационная идентичность определяется как «отождествление или соотнесение индивида, социальной группы, этнического сообщества, нации с той или иной локальной цивилизацией – устойчиво существующей длительное время на определённой территории наднациональной общностью людей и государств, которая сохраняет и воспроизводит свою целостность и свои особые, отличающиеся от других цивилизаций культурные нормы, религиозные и иные культурные ценности, в том числе повседневные традиции и социальные практики» (Пантин 2023).

В современных условиях, в сравнении с античным и средневековым периодами, цивилизационная идентичность представляет собой гораздо более динамичное и многогранное явление, т. к. появилось огромное количество факторов, размывающих устоявшиеся рамки. Сюда можно отнести усиление социальной мобильности, изменение географических границ локальных цивилизаций. Как итог цивилизационная идентичность не только играет важную роль для индивидуумов, сообществ, наций и человечества в целом, но и становится важнейшим фактором внешней и внутренней политики, функционирования социальных институтов. Это в свою очередь может приводить к серьёзным конфликтам и противостояниям, например, при насильственном экспорте социальных институтов, привычных для одних типов цивилизационной идентичности: привычные для западных обществ рыночные и демократические институты не всегда могут эффективно функционировать в исламских и других цивилизационных образованиях (Пантин 2023).

Вместе с тем концепт цивилизационной идентичности является важным инструментом для понимания природы внутренних и межгосударственных конфликтов, т. к. с исчезновением биполярной системы, согласно С. Хантингтону, наиболее значимые конфликты в современном мире происходят между нациями и социальными группами, принадлежащими разным локальным цивилизациям (Хантингтон 1994). Так, мы можем наблюдать, как лидирующие в экономическом и политическом плане западные страны на протяжении десятилетий насильственно навязывают свои социальные институты остальному миру, вызывая тем самым целый комплекс межцивилизационных и этносоциальных конфликтов. Целый клубок противоречий и конфликтов, основанных на цивилизационных противоречиях, наблюдается на Ближнем Востоке, в Африке, где разгораются конфликты по религиозным причинам (шииты против суннитов, иудеи против мусульман и др.).

Значимость цивилизационных факторов в современных условиях увеличивается также из-за системного кризиса национального государства, ослабления гражданских и политических солидарностей, в целом архаизации политики, включения традиционных норм идентичности (Мчедлова 2017).

Цивилизационные факторы в современном мире во многом определяют эффективность или проблемность любых интеграционных процессов. Если

при выборе партнёров по интеграции не учитывается цивилизационная идентичность, культурные, этнические особенности, традиции, то любые экономические предпосылки для интеграции не смогут в полной мере компенсировать различия и противоречия цивилизационные (Пантин 2023).

При этом даже внутри цивилизационных систем на современном этапе появляются новые политические субъекты, которые используют национальные, культурные и религиозные идентичности для продвижения и защиты своих интересов внутри системы (Мчедлова 2017). Это явление снижает гомогенность систем, усложняет их управляемость, создаёт сложности для выработки единых подходов к внутренней и внешней политике, повышает внутреннюю конфликтность.

В контексте глобализации формируется два типа идентичности: идентичность сопротивления и проектная идентичность, ориентированная на адаптацию к новым реалиям. Таким образом, мы можем наблюдать, что западные страны, которые являются основными сторонниками глобализации через систему «мягкой силы», развития образовательных программ для молодёжи, активной работы НПО, пытаются преодолеть существующий цивилизационный разрыв между идеями и ценностями глобализации с традиционными, устоявшимися цивилизационными системами стран. Не являются исключением страны Центральной Азии, которые стали объектом работы западных НПО и НКО. Данные организации на системной основе занимаются продвижением «универсальных» западных ценностей в регионе от толерантности в отношении национальных меньшинств, межэтнического мира, гендерного равенства до поддержки «независимой прессы», постепенно стремясь использовать работу неправительственного сектора в политических целях для оказания влияния на внутри- и внешнеполитический курс стран региона (Силаков 2021).

Важной особенностью цивилизационных структур идентичности является более высокая прочность и устойчивость по сравнению с политическими, экономическими, социальными и даже идеологическими системами (Мчедлова 2017). Это особенно актуально для стран Центральной Азии, т. к. в силу очень богатой, сложной истории под влиянием совершенно разных цивилизационных факторов возникла уникальная многослойная цивилизационная система стран региона, у которой невероятно сложно выделить один доминирующий цивилизационный слой или уровень, определяющий выбор той или иной внутривнутриполитической и внешнеполитической парадигмы. При этом в условиях глобальных политических трансформаций, например, после распада СССР, получения странами региона независимости и старта выстраивания своей собственной социальной, политической, экономической и идеологической системы, также происходит возврат к более старым цивилизационным традициям, установкам, что порою выглядит как определённая архаизация.

Глобальные политические, социально-экономические изменения также приводят к появлению гибридного вида, который может появиться в условиях

«трансформации и изменений, где оспариваются фиксированные идентичности..., подразумевает мышление поверх исключающих бинарных понятий, основанных на идеях “коренной сущности”, культурной, расовой или национальной чистоте» (Кудряшова 2017). Это в целом связано с условной гибридной государственностью большей части развивающихся стран, при которой сочетаются современные по форме институты с традиционными структурами и примордиальными лояльностями. Политическая форма управления в таких государствах, как правило, тоже носит «гибридный режим», сочетая как демократические, так авторитарные черты.

Идентификационная многослойность стран Центральной Азии

Раскрывающей цивилизационную многослойность центральноазиатских обществ работой можно назвать многолетнее исследование жизненного уклада, традиций, культурной, социальной, экономической трансформации населения в основном узбеками кишлака Ошоба в Таджикистане, проведённое известным исследователем Сергеем Абашиным (Абашин 2015). В работе сначала по архивным данным изучается жизнь кишлака до прихода российского государства в регион в XIX в., адаптация его жизни в советский период с серьёзной экономической трансформацией жизни местных сообществ, модернизацией социальных и идеологических систем. Затем, начиная с 1990-х гг., автор во время своих исследовательских поездок рассматривает трансформации уклада жизни кишлака уже в независимом Таджикистане. В рамках своего исследования автор выявлял у современных жителей кишлака элементы цивилизационных систем, традиций, социальных установок, которые были присущи местным сообществам ещё в период до прихода Российской империи в регион. Таким образом, серьёзная социальная, экономическая и идеологическая трансформация в советский период не стала причиной фундаментального изменения цивилизационного кода, а лишь привнесла новые традиции, установки, уклады в жизнь кишлака.

Этот уклад свойственен отчасти идентификационной модели Российского государства до 1917 г., когда подавляющее большинство населения, крестьяне, жили «вне истории», с преобладанием *примордиальной (первичной) идентификацией* через семью, родоплеменные связи, землячество. Принадлежность к этносу выражалось в «негативной идентичности» – противопоставлении себя чужакам и иноверцам, а в отношении государства принадлежность транслировалась благодаря церковным институтам и «мифологизированному образу царя-батюшки, стоящего над местными властями» (Холодковский 2017). Для стран Центральной Азии этот вид идентичности является одним из важнейших, учитывая традиционный характер обществ у стран региона. Так, например, у Туркменистана до сих пор не завершён процесс этногенеза и для туркменского индивидуума важнейшей частью его идентификации является

не принадлежность к туркменскому этносу, а принадлежность конкретному туркменскому клану: теке, йомуды, ата и др. (Кадыров 2003). Схожая традиционная структура обществ наблюдается в Казахстане, общество которого разделено на три жуза, более 20 родов и множество подродов (Рекк 2020), в Киргизии общество состоит из 40 племён, для Таджикистана и Узбекистана характерно формирование кланов вокруг региональных объединений и землячеств, самаркандский, ташкентский и др. в Узбекистане, кулябский, худжанский и др. в Таджикистане.

Следующий уровень идентичности – *национальный* – «используется для обозначения коллективной идентичности национально-государственного (или претендующего на такой статус) сообщества и характеризует самосознание его граждан как членов этого сообщества» (Семененко 2017). Характеристики национальной идентичности определяются рядом ключевых факторов, например, качеством политических институтов, развитостью политической культуры сообщества, а также сложившимся в сообществе пониманием нации и «национального». «Формирование национальной идентичности – исторический феномен, связанный со становлением национальной государственности национального самосознания» (Семененко 2017). Данный уровень идентичности формируется через исторические процессы, напрямую связанные со становлением национальной государственности и национального самосознания с несущей конструкцией в форме идеи нации, которая позволяет гражданину видеть себя частью общей системы с близкими ценностями и установками.

Страны Центральной Азии в настоящее время системно занимаются построением своего обособленного исторического самосознания, которое нацелено на формирование независимой – в первую очередь от России – национальной идентичности. Основным направлением социально-гуманитарных и исторических наук в странах региона является поиск своих собственных трактовок истории до прихода России в регион, во время совместного проживания в Российской империи и СССР, а также осмысления социально-политических процессов в период независимости. Ведётся поиск основ государственности, национальных героев и лидеров до прихода русских, чтобы выстроить преемственность с государственностью на современном этапе. В такой системе координат этап совместной истории рассматривается в основном в негативном ключе, для формирования мифа об угнетении национального начала и скрытой борьбы за независимость, которая в итоге была обретена в 1991 г. (Россия в учебниках... 2024).

Близким национальной идентичности концептом особенно в западном общественно-политическом дискурсе является национализм. В России преобладает негативное восприятие национализма, т. к. он выстраивается вокруг идеологии, в которой одна нация превосходит другую, и это является стержневым мобилизующим социальным механизмом. Западный политический дискурс воспринимает национализм по-другому, как концепт, который строится вокруг

«идеологии, движения, направленного на обретение социальной общностью политической целостности, государственности» (Панов 2023). Таким образом, отмечается тесная связь между нацией и национализмом, когда мир разделён на территориальные части-государства, а нация обладает своим государством, и формируются «национальные государства» или «нации-государства».

Для стран региона этот вопрос крайне чувствительный и сложный, т. к. в наследие от СССР практически все республики получили многонациональные составы своего населения, что не позволяло с начала независимости выстраивать идеологию государств вокруг крупнейшей этнической группы: узбеки в Узбекистане, киргизы в Киргизии и т. д. Наиболее показателен пример Казахстана, где на момент обретения независимости из 16,4 млн населения казахи составляли 40% (6,5 млн чел.), а русские – 37% (6,1 млн чел.), остальное население было представлено другими этническими группами¹. В таких условиях невозможно построить «государство-нацию», нужно искать другие объединяющие идеологические платформы для нациестроительства. Со временем благодаря массовому отъезду русского населения, а также программам переселения, этническая картина кардинально поменялась. По состоянию на 2025 г. в Казахстане из 20,3 млн чел. казахи составляли 14,4 млн (70%), русские – только 2,9 млн чел. (14%)². С увеличением доли титульной нации, а этот процесс наблюдается во всех странах региона, для властей постепенно снимается задача выработки гражданской идентичности, которая бы отражала интересы и чаяния всех этнических групп, а постепенно сводится к формированию национальной этничности с опорой на доминирование одной этнической группы казахи в Казахстане, киргизы в Киргизии и т. д. Таким образом, можно прогнозировать, что запущенные процессы по формированию и поддержке именно национальной идентичности будут продолжены и будут играть всё более значимую роль в регионе.

Важным элементом цивилизационной идентичности стран Центральной Азии является религия, в первую очередь, в силу наибольшего распространения среди населения, ислама, то есть исламская идентичность. При этом ряд исследователей склонны считать ислам не столько религией, сколько социальной системой. Так, большинство мусульман склонны идентифицировать себя как членов универсальной мусульманской уммы, а иноверцев воспринимают как кяфиров (Кудряшова 2017). В силу высокой степени дискретности исламского общества, наличия огромного числа течений, направлений, сект, этнических и географических фракций, нельзя сказать, что мусульмане, например, Центральной Азии представляют собой единое целое. Это проявляется

¹ Шустов А. Казахстан – суверенная демография. *Столетие*. 12.02.2010 URL: https://www.stoletie.ru/rossiya_i_mir/kazahstan_suverennaja_demografija_2010-02-12.htm?ysclid=mecjfrqbjb668420221 (дата обращения: 20.04.2026)

² Названы самые многочисленные национальности в Казахстане. *Nur.Kz* 30.04.2025 URL: <https://www.nur.kz/society/2240883-nazvany-samye-mnogochislennye-nacionalnosti-v-kazahstane/> (дата обращения: 20.04.2026)

не только в том, что у региона нет общего религиозного института, который бы отвечал за схожесть подходов государств к религиозной сфере, к примеру, в сфере образования, подготовки религиозных кадров, выработки общих норм церемоний и традиций. Каждая страна Центральной Азии имеет свою уникальную систему взаимоотношений в системе «религия – власть – общество», с разным, порою не институализированным религиозным влиянием на общественно-политические процессы. Показательно, что даже по вопросам популярности введения шариата в качестве официального законодательства внутри региона уровень поддержки разный. Согласно данным исследования за 2012 г., за установление шариата выступило 35% опрошенных в Киргизии, 27% – в Таджикистане и только 10% в Казахстане (данные по Узбекистану и Туркменистану отсутствовали ввиду закрытости политических систем) (The World of Muslim 2012).

Советская идентичность, которая тоже рассматривается как имперская в некоторых аспектах, также не могла стать доминирующей и определяющей цивилизационной идентичностью для стран Центральной Азии после обретения независимости, но уже в виде *постимперской (постсоветской) идентичности*. По признанию одного из создателей концепции «советского народа», данная общность не является уникальной и сложившейся, а представляет собой «этатистскую» или «метаэтническую», и к концу 1980-х гг. концепция в целом находилась в кризисе, что породило вакуум идентичности (Бромлей 1989). Тем не менее, несмотря на внутренние сложности и экзистенциальный кризис советской/имперской идентичности, даже после распада СССР большое количество бывших советских граждан не только в России, но и в бывших республиках продолжали идентифицировать себя как часть общей, пусть и уже уходящей цивилизационной общности. Дело в том, что, как уже отмечалось раньше, идентитарные установки носят достаточно устойчивый характер даже в условиях серьёзных геополитических и политических трансформаций, поэтому советская/имперская идентичность может присутствовать у части общества постсоветского пространства ещё не одно поколение. Одним из важнейших скрепляющих инструментов постимперской общности является общий язык межнационального общения. В нашем случае речь идёт о русском языке, который пусть и утрачивает своё значение, вытесняясь в первую очередь национальными языками в странах Центральной Азии, но всё же остаётся важнейшим элементом коммуникации и доступа к научному, образовательному, культурному пространству русской цивилизационной платформы (Подвинцев 2017).

Ещё одним важным элементом пролонгации присутствия постимперской идентичности является сохранение в странах региона этнических представителей центра империи, в нашем случае русских и их потомков, которые переехали в Центральную Азию в период Российской империи, во время советскихстроек и модернизации региона и стали частью местных обществ. Именно они

как правило составляют ядро носителей имперской идентичности в осколках распавшегося объединения. Но с течением времени, особенно в условиях активного нациестроительства, формирования новых идентитарных систем постимперская идентичность становится гибридной (Подвинцев 2017).

В контексте формирования спектра цивилизационной идентичности стран Центральной Азии нельзя не учитывать феномен политической *панидентичности*, который рассматривается как «вид гибридной политической идентичности, генезис которой восходит к имперскому дискурсу, отразившему противоречие между универсалистскими идеями “всемирной принадлежности” и формирующимся национализмом» (Кудряшова 2017). Изучение этого феномена возможно через рассмотрение различных фаз колониального, национального и постнационального строительства, где происходит переплетение трансисторических и локальных сообществ и соотносимых с ними идей и интересов. В случае с Центральной Азией мы можем выделить два важных направления панидентичности: *евразийскую* как трансформационный вариант постимперской идентичности, используемый Россией, а также *пантюркистскую* идентичность, которую активно продвигает Турция в своей внешнеполитической стратегии в отношениях с регионом.

Евразийская панидентичность представляет собой попытку России и её соседей создать идеологическую систему на основе общих исторических, географических, ментальных и культурных элементов, фундамент для более тесного экономического взаимодействия в рамках евразийской интеграции, в первую очередь в формате Евразийского экономического союза. Ограничителями здесь выступает слабая идейная основа идентитарной системы, ограниченная универсальность, что в идеологическом плане делает её малопривлекательной и понятной для населения, но при этом позволяет достаточно эффективно реализовывать экономическое сближение и координацию.

Несколько другая система складывается в отношениях Турции и стран Центральной Азии. Анкара активно использует свой статус экономически и политически крупнейшего государства тюркского мира для закрепления своего политического и идеологического лидерства на основе культурной и языковой близости. Турции удалось запустить процесс институционализации своих отношений со странами региона через создание Организации тюркских государств. Анкара достаточно эффективно использует языковую и культурную близость для формирования элементов общего исторического и идейного пространства, но в силу ограниченных экономических возможностей и географического удаления Турция не может конкурировать с крупнейшими соседями региона Россией и Китаем, а также с финансово и политически обеспеченным Западом (Притчин 2024).

Одним из важнейших выводов для нашего исследования является подтверждение цивилизационной многослойности, невероятной сложности структуры идентичности стран Центральной Азии. Следовательно, даже частичная

принадлежность на уровне индивидуумов, малых региональных сообществ и наций к разным цивилизационным идентитариям повышает уровень сложности при формировании общественного, личностного и группового запросов на выбор внешнеполитических предпочтений со стороны правительств республики.

Выводы

Государство в странах Центральной Азии остаётся основным актором в выборе итоговой внешнеполитической и внутривнутриполитической линии, через модерирование внутренней общественной и научной дискуссии направляя и корректируя общественное мнение, а порою конструируя новые смыслы и нарративы. Вместе с тем процесс выработки этой линии происходит в обществе, которое не гомогенно, представляет собой объединение частей с разными идентичностями, что естественно создаёт сложную, порою нелинейную динамику в процессе продвижения навязываемых моделей, сопротивление искусственным конструкциям. Так, проанализировав перечень основных видов систем идентичности в приложении стран Центральной Азии, мы можем выделить следующие элементы, которые теоретически могли бы быть использованы в качестве основы для конструирования выбора внешнеполитических приоритетов и являются идеологической и смысловой основой для многовекторности: примордиальная (первичная) идентичность, исламская идентичность, национальная идентичность, два вида панидентичности: тюркская и евразийская, глобалистская идентичность, продвигаемая западными странами через международные финансовые и рейтинговые институты, неправительственный сектор. Совокупность этих идентичностей, часть которых трудно комбинируема друг с другом, создаёт достаточно ограниченное пространство возможностей для конструирования определённой идентитарной модели, которая могла бы стать основной для выбора и продвижения соответствующей внешнеполитической линии государства.

Этот вывод подтверждает оценка известного казахстанского социолога Г. Илеуловой, которая на примере Казахстана пришла к выводу, что «идентификационные процессы в республике всё ещё находятся в стадии развития при отсутствии одного доминирующего показателя» (Илеулова 2023). В таких условиях основная рабочая гипотеза статьи о том, что дискурс идентичности в странах Центральной Азии может быть использован в качестве инструмента для формирования базы для многовекторной внешней политики, опровергается основными выводами статьи.

Об авторе:

Станислав Александрович Притчин – кандидат исторических наук, заведующий сектором Центральной Азии Центра постсоветских исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова. Российская Федерация, 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23. E-mail: Pritchkin.stanislav@yandex.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Благодарности:

Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития №075-15-2024-551 «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве».

UDC: 327(5-191.2):316.347
Received: 4 February 2026
Accepted for publication: 2 April 2026

Identity and Multi-Vector Foreign Policy in Central Asia

 S.A. Pritchkin
[DOI 10.24833/2071-8160-2026-2-107-172-187](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2026-2-107-172-187)

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences

Abstract: This article explores the role of identity in shaping and legitimizing the multi-vector foreign policies of the Central Asian states. Since gaining independence, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, and Uzbekistan have consistently presented multi-vectorism as a core principle of their external action, embedding it in official doctrines, strategic documents, and diverse formats of international cooperation. Yet the actual structure of their political, security, trade, investment, and migration ties reveals the continued predominance of Russia and China as the region's principal partners. This creates a gap between the declared pluralism of foreign policy and the real hierarchy of external relations.

The article uses the concept of identity to explain this discrepancy and assesses whether identity discourse can serve as an instrument for promoting and legitimizing a multi-vector foreign policy course. It argues that Central Asia's identity landscape is highly complex and multilayered. It includes primordial forms of belonging rooted in family, clan, tribe, locality, and regional solidarities; national identity shaped by post-Soviet nation-building; Islamic identity, whose influence is growing but remains uneven across the region; post-imperial and post-Soviet identity linked to language, memory, and shared historical experience; and pan-identities, especially Eurasian and Turkic, promoted through regional integration projects.

The article concludes that this multidimensional identity matrix both enables and constrains multi-vectorism. On the one hand, it provides political elites with symbolic resources for balancing among external partners and avoiding exclusive alignment with any single center of power. On the other hand, the coexistence of partially competing identities limits the state's

ability to construct one dominant identity as the foundation of a stable foreign policy vector. Identity discourse can therefore help justify and reproduce multi-vector foreign policy, but it cannot fully determine or consolidate it.

Keywords: Central Asia, foreign policy, multi-vector approach, concept of identity

About the author:

Stanislav A. Pritchinn – Cand. Sci. (History), Head of Sector of Central Asia Center Post-Soviet Studies IMEMO, Russian Academy of Science. Profsoyuznaya St., 23, Moscow, 117997, Russia. E-mail: Pritchinn.stanislav@yandex.ru

Conflict of interest:

The author declares the absence of conflict of interests.

Acknowledgements.

This article was prepared with the support of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development No. 075-15-2024-551 “Global and regional centers of power in the emerging world order”.

References:

The World's Muslims: Unity and Diversity. 2012. Pew Research Center. Religion & Public Life. The World's Muslims: Unity and Diversity. Pew Research Center.

Abashin S.N. 2015. *Sovetskiy kishlak: mezhdru kolonializmom i modernizatsiyey* [Soviet Village: Between Colonialism and Modernization]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 848 p. (In Russian)

Avatkov V.A. (ed). 2024. *Rossiya v uchebnikakh istorii stran Blizhnego i Postsovetskogo Vostoka, Kitaya: referativnyy sbornik* [Russia in History Textbooks of the Near and Post-Soviet East, China: a Digest of Abstracts]. INION RAN. Moscow. 155 p. (In Russian)

Bromley Yu.V. 1989. “Eticheskiy paradoks” sovremennosti v istoricheskom kontekste [The “ethical paradox” of modernity in historical context]. *Novaya i noveyshaya istoriya.* 5. P. 62-69. (In Russian)

Huntington S. 1994. *Stolknoveniye tsivilizatsiy?* [The Clash of Civilizations?] Polis. Politicheskiye issledovaniya. №1. P. 33-49. (In Russian)

Ileuova G. 2023. Dinamika identifikatsionnykh protsessov kak indikator sostoyaniya obshchestva [Dynamics of Identification Processes as an Indicator of the State of Society]. *Identifikatsiya v stranakh Tsentral'noy Azii: traektorii razvitiya. Sbornik statey mezhdunarodnoy konferentsii. Almaty, 4-5 dekabrya 2023 g.* Ed. by I.A. Chernykh. Almaty: Predstavitel'stvo Fonda Rozy Lyuksemburg v Tsentral'noy Azii. P. 12-18. (In Russian)

Kadyrov Sh.Kh. 2003. «Natsiya» plemen: etnicheskiye istoki, transformatsiya, perspektivy gosudarstvennosti v Turkmenistane [“Nation” of Tribes: Ethnic Origins, Transformation, Prospects of Statehood in Turkmenistan]. Rossiyskaya akademiya nauk, Tsentr tsivilizatsionnykh i regional'nykh issledovaniy. Moscow. 362 p. (In Russian)

Kholodkovskiy G.G. 2017. Rossiyskaya identichnost'. Istoricheskiy put' [Russian Identity. Historical Path]. *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoye izdaniye.* Ed. by I.S. Semenenko. Moscow: «Ves' mir». P. 156-163. (In Russian)

Kudryashova I.V. 2017. Gibridnaya politicheskaya identichnost' [Hybrid Political Identity]. *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoye izdaniye*. Ed. by I.S. Semenenko. Moscow: «Ves' mir». P. 365–368. (In Russian)

Kudryashova I.V. 2017. Musul'manskaya politicheskaya identichnost': yedinstvo i raznobraziye [Muslim Political Identity: Unity and Diversity]. *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoye izdaniye*. Ed. by I.S. Semenenko. Moscow: «Ves' mir». P. 228–242. (In Russian)

Kudryashova I.V. 2017. Politicheskaya panidentichnost' [Political Pan-identity]. *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoye izdaniye*. Ed. by I.S. Semenenko. Moscow: «Ves' mir». P. 362–365. (In Russian)

Mchedlova M.M. 2017. Identichnost': novyye povoroty tsivilizatsionnoy teorii [Identity: New Turns of Civilizational Theory]. *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoye izdaniye*. Ed. by I.S. Semenenko. Moscow: «Ves' mir». P. 148–156. (In Russian)

Panov V.N. 2017. Natsionalizm [Nationalism]. *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoye izdaniye*. Ed. by I.S. Semenenko. Moscow: «Ves' mir». P. 413–417. (In Russian)

Pantin V.I. 2023. Tsivilizatsionnaya identichnost' [Civilizational Identity]. *Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika. Novyye kontury issledovatel'skogo polya*. Ed. by I.S. Semenenko. Moscow: «Ves' mir». P. 302–309. (In Russian)

Podvintsev O.B. 2017. Imperskaya, postimperskaya, neoimperskaya identichnost' [Imperial, Post-Imperial, Neo-Imperial Identity]. *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoye izdaniye*. Ed. by I.S. Semenenko. Moscow: «Ves' mir». P. 358–362. (In Russian)

Pritchins S.A. 2023. Mnogovektornost' kak osnovnaya model' vneshney politiki stran Tsentral'noy Azii [Multi-Vectoral Approach as the Key Model of Central Asian Countries' Foreign Policy]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*. 67(12). P. 104–115. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-12-104-115 (In Russian)

Pritchins S.A. 2024. Turetskaya strategiya v otnoshenii Tsentral'noy Azii na sovremennoy etape: sil'nyye storony i ogranichiteli [Turkish Strategy towards Central Asia at the Present Stage: Strengths and Constraints]. *Oykumena. Regionovedcheskiye issledovaniya*. №2. P. 52–62. (In Russian)

Rekk D.A. 2020. Genezis i sushchnostnyye kharakteristiki klanov respublik Sredney Azii i Kazakhstana [Genesis and Essential Characteristics of Clans in the Republics of Central Asia and Kazakhstan]. *Obozrevatel'-Observer*. 7(366). (In Russian)

Semenenko I.S. (ed). 2017. Kategoriya identichnosti v sotsial'nykh naukakh: ponyatiye, kognitivnyy potentsial, priorityty issledovaniy [The Category of Identity in the Social Sciences: Concept, Cognitive Potential, Research Priorities]. *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoye izdaniye*. IMEMO RAN. Moscow: «Ves' mir». P. 18–33. (In Russian)

Semenenko I.S. (ed). 2017. Natsional'naya identichnost' [National Identity]. *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoye izdaniye*. Moscow: «Ves' mir». P. 405–413. (In Russian)

Semenenko I.S. 2024. Tsivilizatsionnaya identichnost' v povestke politiki identichnosti: menyayushchiysya miroporiyadok i rossiyskiye priorityty [Civilizational Identity in the Identity Policy Agenda: Changing World Order and Russian Priorities]. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. 104(S). P. 79–87. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-104(S)-2024-79-87 (In Russian)

Silakov N. 2021. Deyatel'nost' fondov i nepravitel'stvennykh organizatsiy SShA v stranakh Tsentral'noy Azii [Activities of US Foundations and Non-governmental Organizations in Central Asian Countries]. *Rossiya i novyye gosudarstva Yevrazii*. II (LI). P. 115–129. DOI: 10.20542/2073-4786-2021-2-115-129 (In Russian)

Список литературы на русском языке:

- Абашин С.Н. 2015. *Советский кишлак: между колониализмом и модернизацией*. Москва: Новое литературное обозрение. 848 с.
- Аватков В.А. (ред). 2024. *Россия в учебниках истории стран Ближнего и Постсоветского Востока, Китая: реферативный сборник*. Отв. ред. В.А. Аватков. ИНИОН РАН. Москва. 155 с.
- Бромлей Ю.В. 1989. «Этический парадокс» современности в историческом контексте. *Новая и новейшая история*. №5 С. 62–69.
- Илеуова Г. 2023. Динамика идентификационных процессов как индикатор состояния общества. *Идентификация в странах Центральной Азии: траектории развития. Сборник статей международной конференции. Алматы, 4-5 декабря 2023 г.* Отв. редактор И.А. Черных. Алматы: Представительство Фонда Розы Люксембург в Центральной Азии. С. 12–18.
- Кадыров Ш.Х. 2003. «Нация» племён: этнические истоки, трансформация, перспективы государственности в Туркменистане. Шохрат Кадыров; Российская академия наук, Центр цивилизационных и региональных исследований. Москва. 362 с.
- Кудряшова И.В. 2017. Гибридная политическая идентичность. *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание*. Отв. ред. И.С. Семенов. Москва: Изд-во «Весь мир». С. 365–368.
- Кудряшова И.В. 2017. Мусульманская политическая идентичность: единство и разнообразие. *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание*. Отв. ред. И.С. Семенов. Москва: Изд-во «Весь мир». С. 228–242.
- Кудряшова И.В. 2017. Политическая панидентичность. *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание*. Отв. ред. И.С. Семенов. Москва: Изд-во «Весь мир». С. 362–365.
- Мчедлова М.М. 2017. *Идентичность: новые повороты цивилизационной теории. Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание*. Отв. ред. И.С. Семенов. Москва: Изд-во «Весь мир». С. 148–156.
- Панов В.Н. 2017. *Национализм. Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание*. Отв. ред. И.С. Семенов. Москва: Изд-во «Весь мир». С. 413–417.
- Пантин В.И. 2023. Цивилизационная идентичность. *Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля*. Отв. ред. И.С. Семенов. Москва: Издательство «Весь Мир». С. 302–309.
- Подвинцев О.Б. 2017. Имперская, постимперская, неоимперская идентичность. *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание*. Отв. ред. И.С. Семенов. Москва: Изд-во «Весь мир». С. 358–362.
- Пritchkin S.A. 2023. Многовекторность как основная модель внешней политики стран Центральной Азии. *Мировая экономика и международные отношения*. 67(12). С. 104–115. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-12-104-115
- Пritchkin S.A. 2024. Турецкая стратегия в отношении Центральной Азии на современном этапе: сильные стороны и ограничители. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. №2. С. 52–62.
- Рекк Д.А. 2020. Генезис и сущностные характеристики кланов республик Средней Азии и Казахстана. *Обозреватель-Observer*. 7(366).
- Семенов И.С. 2024. Цивилизационная идентичность в повестке политики идентичности: меняющийся миропорядок и российские приоритеты. *Государственное управление. Электронный вестник*. 104(S). С. 79–87. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-104(S)-2024-79-87

Семенов И.С. (ред). 2017. Категория идентичности в социальных науках: понятие, когнитивный потенциал, приоритеты исследований. *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание*. ИМЭМО РАН. Москва: Издательство «Весь мир». С. 18–33.

Семенов И.С. (ред). 2017. Национальная идентичность. *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание*. Москва: Изд-во «Весь мир». С. 405–413

Силаков Н. 2021. Деятельность фондов и неправительственных организаций США в странах Центральной Азии. *Россия и новые государства Евразии*. II (LI). С. 115–129. DOI: 10.20542/2073-4786-2021-2-115-129

Хантингтон С. 1994. Столкновение цивилизаций? *Полис. Политические исследования*. №1. С. 33–49.

Холодковский Г.Г. 2017. Российская идентичность. Исторический путь. *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание*. Отв. ред. И.С. Семенов. Москва: Изд-во «Весь мир». С. 156–163.